

ОЖИВШИЕ
ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЛЮБОВЬ,
ОПРОКИНУВШАЯ
ТРОНЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Владимира Ненова*

Прозоров, Александр Дмитриевич.
П79 Любовь, опрокинувшая троны / Александр Прозоров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Ожившие предания. Романы А. Прозорова).

ISBN 978-5-04-089185-6

Беззаботный гуляка Федор Никитич, родственник самого Иоанна Грозного, никак не рассчитывал на то, что хоть одна из вереницы появляющихся рядом женщин надолго задержится в его жизни. Однако Ксении Шестовой удалось покорить сердце повесы, да так, что тот вскорости позвал ее замуж. А ведь все, что оставалось тридцатилетней боярской дочери, по глупости погубившей свою честь в юности, — постричься в монахини. Теперь же супружеская чета, свившая семейное гнездышко, готовилась жить тихо и счастливо. Вот только не учла одного: воцарившийся Борис Годунов не будет спокоен, пока не обезопасит себя от первоочередных претендентов на русский престол...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089185-6

© Прозоров А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

ПЕРО
ВОРОНА

13 февраля 1590 года

Москва, Никольская улица

Февральская Москва, радужно сверкающая под ярким, но холодным полуденным солнцем, пахла копченостями, свежим хлебом, пряным сеном, и сладкой карамелью, и, конечно же, едким березовым дымом. Дымом, что поднимался сизыми клубами из многих тысяч труб, выглядывающих над кровлями домов и дворцов, избышек и хором, скромных приземистых банек и роскошных белокаменных храмов, ибо без жарко натопленных печей пережить суровые русские морозы просто невозможно. Дым пробирал собою всю столицу, придавая легкий дегтярный привкус еде и питью, пропитывал одежду горожан, накрепко въедался в бревна бесчисленных срубов, окрашивал в серый цвет сугробы, лежащие под прочными тынами и стенами домов, а крепкий ледяной накат, натоптанный и наезженный за зиму поверх бревенчатой мостовой, так и вовсе превращал в нечто угольно-черное, похожее на глянцевый камень с красивым названием «обсидиан».

Однако на Никольской улице, прозванной в народе Торговой, вездесущий дымный запах все-таки сдавался куда более приятным ароматам, ибо здесь, в бесчисленной череде стоящих вплотную друг к другу лавок, про-

давали копченых лещей и индийские пряности, текучий цветочный мед и немецкое вино, свежие куличи и ягодную пастилу, впитавшие в себя жаркое лето неведомых земель изюм, курагу, инжир и финики, а также невероятно пахучие шкатулки из полумифического сандалового дерева.

Столь разные товары манили сюда всякий люд от мала до велика, от простолюдинов до знатных князей. Бок о бок толкались тут крестьянин в овчинном тулупе и боярин в бобровой шубе, холопка в вытертом суконном кафтане и темном платке и княжна в расшитом золотой нитью охабне¹, да в горлатной шапке с самоцветами. Тут же суетились татары в крытых шелком стеганых халатах, меж ними расхаживали суровые священники в черных шерстяных рясах, с тяжелыми золочеными крестами на груди. Кричали зазывалы, мычали коровы, звенели медные котлы, шумно чавкали сеном мохнатые бараны... В общем — торг как торг.

— Спасайся!!! Берегись! — внезапно послышались крики со стороны Кремля. — По-оберегись, зашибу-ут!!!

Покупатели и продавцы встрепенулись, закрутили головами, шарахнулись от середины улицы к лавкам, освобождая проезд, по которому уже неслись во весь опор, едва не разбрасывая в стороны зазевавшихся прохожих, стремительные всадники.

Два породистых туркестанских² скакуна, серый и вороной — высокие, тонконогие, с узкими вытянутыми мордами; на них два столь же породистых наездни-

¹ Охабень — верхняя зимняя одежда «выходного дня». Длинные рукава с прорезьями, которые нередко завязывали на спине, меховой ворот, много украшений. Шился из самых дорогих тканей, каковые мог себе позволить владелец.

² Ныне эту драгоценную породу принято именовать «ахалкетицами». Отличается от прочих лошадей значительно более высоким ростом и тонкими формами тела, за что прозвана «гончими среди лошадей». Зафиксированный рекорд скорости — 60 км/ч, рекорд по прыжкам через препятствие — 2 м 12 см.

ка — оба лет сорока, с короткими и хорошо вычесанными русыми бородками, оба — в красных ферязях, густо расшитых золотом, в собольих шапках и наборных, сверкающих самоцветами поясах, в синих бархатных штанах и сапогах с бисерным рисунком. И конечно же, не менее роскошной была их упряжь: обитые золотыми гвоздиками седла, серебряные стремяна на шелковых шнурах, на узде — множество мелких сверкающих бубенчиков.

— Ал-ла! Пошел, пошел, пошел! — Всадники, сопровождаемые громкими криками и нежным переливчатым звоном, высекая шипастыми подковами крошево из уличной наледи, стрелой пронеслись по Никольской, только чудом никого не сбив и не опрокинув, и повернули в Колязенский¹ переулок, куда более узкий, но зато пустынный.

— Шалопуты бесовские! — заорал кто-то вслед знатым безобразникам. — Чтоб вам бошки ваши пустые поотрывало!

— Кто это был, православные? — испуганно выдохнул пожилой татарин, отпрыгнувший от опасности прямо на упитанного седобородого батюшку.

— Федор сие, который из Захарьиных! — Священник, взяв басурманина за плечи, решительно отодвинул его от себя и размашисто перекрестил. — Да князь Василий Шуйский с ним, беспутники великовозрастные! Вестимо, перепились опять на подворье Зарядском, да теперь гонки по Москве устраивают, на людей не гляючи! Ни стыда ни совести! Тьфу!

И батюшка презрительно сплюнул татарину под ноги.

Всадники же в этот миг уже выворачивали на Варварку, заставив прыснуть в стороны, как испуганных утят, нескольких стрельцов. Сопровождаемые громкой

¹ Колязенский переулок — в 1638 г. переименован в Грамотин переулок, в 1742-м — в Черкасский, каковым и остается поныне.

руганью, они влетели в распахнутые ворота Захарьинского подворья и натянули поводья, отчего скакуны резко замерли, заскользив подковами по чисто выметенным каменным плитам. Бояре спешили, кинули поводья подскочившим холопам в добротных суконных зипунах, подбитых беличьим мехом.

— Ну, Лена, кто?! — жадно спросил стоявшую на нижних ступенях княгиню один из раскрасневшихся всадников.

— Да стремя в стремя прискакали, Васенька, — развела руками женщина, знатность которой доказывали дорогие перстни на пальцах, небрежно наброшенная на плечи, распахнутая соболья шуба с украшенными изумрудами шелковыми вошвами, и парчовый сарафан под ней.

— Так уж и стремя в стремя? — недоверчиво усмехнулся другой мужчина.

— А то вы не видели, как вместе в ворота влетели? — усмехнулась судейщица. — Нет меж вами победителя, бояре. Теперь пошли в трапезную, бо зябко здесь очень. Вина фряжского выпьем, сбитеня горячего истребуем!

— Вот только кому тогда под столом кукарекать?

Мужчины переглянулись.

— Да ладно вам, к чему сие вовсе? — примирительно произнесла княгиня, но ее никто уже не слушал.

— Еще круг, Федор Никитич? — предложил темно-волосый князь, круглолицый и кареглазый, на полголовы ниже своего противника.

— Еще круг, Василий Иванович! — согласно кивнул его русоволосый и сероглазый соперник.

Мужчины поднялись в седла, подобрали поводья.

— Елена, командуй, — оглянулся на женщину Василий Шуйский.

— Ну, коли так... — Княгиня медленно развела ладони. И внезапно громко хлопнула, что есть силы закричав: — Шпоры давай!!!

— Н-но, пошла! — тряхнули поводьями бояре, с силой ударили пятками в бока скакунам, и драгоценные туркестанцы, громко всхрапнув, привстали на дыбы, одновременно скакнули вперед, широкими прыжками набирая скорость. Вылетели за ворота, повернули налево. — Геть, геть, геть!!!

Уже знакомых стрельцов, идущих посреди улицы, князь Шуйский и боярский сын Захарьин обогнули справа и слева. Сопровождаемые громкой руганью, пронесли по Варварке почти до самого Кремля, громким разбойничьим посвистом разогнали веселящихся у Васильевского спуска парней и молодых, проскакали под срубленной там горкой высотой почти до крепостной стены и понеслись по краю рва, мимо расписных качелей с каруселями, мимо гигантских шагов и скоморошских вертепов, снова повернули вправо и с криками, посвистом и звоном бубенцов опять вынеслись на шумную и светливую Никольскую.

— Геть, геть, геть! Ал-ла!!! — Всадники, встав на стременах и прижимаясь телами к самым лошадиным гривам, высекая копытами из наледи жесткую крупку, стремительным галопом неслись по самой середине торговой улицы. Горожане отпрыгивали к лавкам, грозили кулаками и ругались, кто-то даже кидался вслед кусками недоеденных калачей или подобранными осколками льда, но куда там! Знатные озорники уносились дальше еще прежде, нежели недовольные горожане успевали хорошенько размахнуться. — Геть, геть, ал-л-ла!!! Пошла, пошла!

Всадники промелькнули мимо тряпичников, мимо скобяных и винных лавок, лотков с рыбой и восточными сладостями, ароматных хлебных ящичков с кулебяками, расстегаями и баранками, мимо шорников и книжников. До Колязинского переуллка оставалось всего с полторы сотни сажений, как вдруг из ворот у мясной лавки стал

медленно выкатываться высоко груженный свежим сеном возок, вставая аккуратно поперек улицы.

— Береги-и-ись!!! — Несущийся левым князь Шуйский прынул к стене и каким-то невероятным чудом проскользнул между задком телеги и прыгнувшими на лотки с копченостями москвичами.

У Федора Никитича такого шанса не имелось, и потому он, даже не пытаясь отвернуть, лишь плотнее прижался к шее гнедого жеребца и в трех саженьях от препятствия резко тряхнул поводьями, ударил пятками в бока, громко крикнув:

— Геть!!!

Породистый степной скакун послушно взметнулся в прыжке, огромной птицей воспарил над крупом зажатой меж оглоблями пегой кобылки. Несколько мгновений полета — и всадник под цокот копыт опустился на наст по другую сторону препятствия, помчался дальше. Толпа ахнула в невольном восхищении. И вот тут гнедой туркестанец, явно потерявший после прыжка направление, неожиданно скакнул прямо на столпившихся у витрин с лубочными раскрасками людей!

— К-куда-а?! — Боярский сын Захарын с силой потянул левый повод, и жеребец послушно повернул, уходя от столкновения, резко скребнул подковами по наледи, но вдруг не нашел опоры и начал медленно заваливаться на бок. — Да чтоб тебя!

Не прекращая при том скачки и пытаясь вывернуть на середину Никольской, гнедой клонился все сильнее и сильнее. Федор Никитич совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, увидел стремительно мелькающие шапки, платки, меха и закрытые сукном плечи, громко взмолился:

— Держись, держись, зар-раза! Выноси, родимый!

В какой-то миг ему показалось, что скакун вывернулся, устоял. Но почти сразу после этого седло внезапно

исчезло из-под всадника, и боярский сын с невольным жалобным завыванием на всей своей скорости влетел в спины перебирающих товар горожанок, врезался головой между лопаток одной из них, вместе с несчастной пролетел еще на пару шагов дальше, куда-то ударился, что-то шиб и покатился прочим людям под ноги.

— Вот, кость христова! — остановившись, с чувством выдохнул боярин. Прокашлялся, поднялся на ноги. Тряхнул головой, пытаясь избавиться от странного кружения мыслей.

— Совсем ума лишились, кромешники! Чего творите, шелопуты?! — кричали на него столпившиеся вокруг люди. — Как можно по городу во весь опор носиться?! Совсем страх потеряли! Зажрались на родительском злате, ни стыда ни совести!

Федор Никитич, не отвечая горожанам, похлопал ладонями по телу, вскинул руку наверх. К его удивлению, шапка осталась на голове. Похоже, первым ударом ее вбило так, что теперь даже дома будет не стащить. Сапоги тоже остались на месте, ферязь выглядела целой.

С улицы подошел туркестанец и виновато ткнулся хозяину мордой в плечо.

— Ничего, милый, — погладил его по ноздрям боярский сын. — Все хорошо, ты молодец.

— Уби-и-или-и!!! — внезапно взвыл совсем рядом бабий голос. — Ой, подруженька моя, Ксюшенька! Да на кого же ты меня покину-у-ула-а-а!!!

— Убили, убили! — заколыхалось по толпе тревожное известие. — Девку у лотка убило!

— В Разбойный приказ его надобно волочь! — предложил кто-то из горожан.

— Нет, к наместнику надо, — тут же поправили с другой стороны. — Душегубством завсегда наместник занимается.

— Значит, к наместнику... — Москвичи стали медленно подкрадываться к знатному преступнику.

Но еще прежде, чем они накинудись на боярского сына, распластанная у прилавка женщина вдруг застонала, зашевелилась. Федор Никитич, облегченно переведя дух, метнулся к ней, опустился рядом на колени.

— Ты как, милая, цела? — И окликнул только что услышанным именем: — Ксюша, ты меня слышишь?

— Ты кто? — прищурилась на мужчину горожанка, оказавшаяся на диво очаровательной. Вздернутый носик, пушистые, выгнутые дугой брови, округлый подбородок, аккуратнo очерченные, нежно-коралловые губы и большие карие глаза.

— Я твой ангел. — Мужчина взял ее под плечи и решительно поднял, одним широким взмахом посадил на холку скакуна, перед седлом.

Федор Никитич хорошо ощущал напряжение в собравшейся толпе и отлично понимал, что если прямо сейчас, быстро, все не уладить, люди вполне способны повязать его и потащить на суд наместника али в Разбойный приказ ко всяким стряпчим и подьячим.

— Ты чего это делаешь?! — возмутилась заплаканная, но уже переставшая выть подруга Ксении.

— Люди, вы же все меня знаете! — громко ответил боярский сын. — Никуда я из Москвы не сбегу и бабу изводить не стану! Раны залечу, вместо порченой одежды новую дам, за обиду золотом заплачу, мне сие по силам. Все с ней хорошо будет!

С этими словами Федор Никитич рывком поднялся в седло, обнял шальную после беспамятства, еще ничего не понимающую и не сопротивляющуюся горожанку и тут же, пока в толпе не появилось каких-нибудь новых недобрых мыслей, послал гнедого вскачь.

Переулок, вправо, перекресток — шум позади стих, увезшего свою жертву боярского сына преследовать ни-

кто не пытался. Да и зачем? Федора Никитича и вправду знала вся Москва, сбитую женщину он при многих свидетелях забрал. Коли несчастная пропадет — сразу ясно, с кого спрос. Посему шалопаю куда проще выйдет от причиненной беды серебром откупиться, нежели недоброе чего затевать.

В том, что откупиться разгульному боярину будет несложно, тоже никто ничуть не сомневался.

Давным-давно прошли те времена, когда худородные боярские дети Захарьины с хлеба на воду перебивались и на места выше сотника на службе не вырастали. После того как сорок лет тому назад государь Иван Васильевич влюбился в дочь Романа Юрьевича и возвел ее на престол, милости потекли на эту семью рекой. И звания высокие, и пожалования земельные, и дары щедрые. Ныне уже не дом простой они могли себе в столице завести, а просторное подворье в Зарядье; не просто избу срубить, а возвести хоромы кирпичные, со стенами вычурными, грановитыми, да в три жилья, да с черепичной кровлей, да на белокаменной подклети и с каменным крыльцом. И двор у них был вымощен не тесом или плашками, а плитами из серого сланца, и забор был не из тына, а кирпичный, хитрым рисунком сложенный. Своя церковь дворовая имелась с шатром из цветной глазури, слуг было неслучайно, выезд не из простых лошадей, а из отборных, выращенных в вольной степи, статных хивинских рысаков, каждый из которых целого состояния стоит. И уж само собой одевался Федор Никитич краше всех в столице, перстнями драгоценными блистал, мехами изумлял, и упряжь у него не из золота была лишь потому, что не годится сей мягкий металл для сбруи, да и в колокольчиках не звенит.

Единственное, чего не мог даровать государь семье любимой супруги, так это родовитости. Как были они простыми детьми боярскими, так все едино ими и оста-